

Русский художник на фоне стресса

Беседа с Василием Аксеновым и Аркадием Кордоном

Режиссер Аркадий Кордон («Великий самоед», «Приговоренный», «Послушай, не идет ли дождь...»), с недавних пор живущий в Нью-Йорке, готовится экранизировать роман Василия Аксенова «Новый сладостный стиль». С г-ном Кордоном мы встретились в Манхэттене, а вот Аксенова пришлось вызывать во Францию. Недавно писатель признался, что собирается покинуть Вашингтон, где живет уже лет двадцать и преподает в университете Джорджа Мейсона, и перебраться в курортный Биарриц.

Олег Сулькин: Давайте с Биаррица и начнем, Василий Павлович. Как судьба занесла вас в это райское местечко?

Василий Аксенов: Несколько лет назад, случайно. Пригласили в Тулузу на франко-русский фестиваль «Волга – Гаронна». Гаронна – это местная река. После фестиваля у меня образовалось три свободных дня. Взял машину и поехал к морю. И вместо того, чтобы отправиться в Ниццу, как все, я зарулил немного в сторону, в Биарриц, известный мне по литературе. Приехал. Очень понравилось. И когда стал обсуждать сам с собой вопрос о выходе в отставку, я подумал...

О.С.: В каком смысле – в отставку?

В.А.: На пенсию...

О.С.: А может быть у писателя пенсия?

В.А.: Ну, конечно, это условное понятие, перемена образа жизни. И я решил, что Биарриц – самое подходящее место.

О.С.: Будем надеяться, Биарриц станет вашим Болдином. Несмотря на пенсионные настроения, вам предстоит свернуть кинематографические горы: насколько я знаю, осуществляется экранизация «Московской саги», и режиссер Кордон подступает к «Новому сладостному стилю».

В.А.: Именно Аркадий предложил эту идею. Я очень доволен. Что касается «Московской саги», то она уже в процессе съемок.

О.С.: Ваш роман с кинематографом, Василий Павлович, имеет довольно-таки долгую протяженность. Напомните, пожалуйста, как все начиналось.

В.А.: После моего писательского дебюта мною заинтересовались киношники, и я вошел в этот мир. Сняли и «Звездный билет», и «Коллег», потом я написал несколько оригинальных сценариев. В общей сложности, 6 фильмов сделаны с моим прямым участием. На «Ленфильме» сняли фильм «Когда разводятся мосты», потом на студии Горького – спортивную комедию «Центровой из поднебесья» о баскетболистах и детский, довольно симпатичный, «Мраморный дом». И последний мой фильм в Советском Союзе назывался «Пока безумствует мечта» – сценарий о первых русских авиаторах.

О.С.: Кино было для вас побочным промыслом?

В.А.: Главным источником существования. Кроме того, что сделано, я еще написал кучу неосуществленных сценариев. Но они давали какие-то деньги, которые я не мог заработать книгами. И более того, я увлекся киношной средой, атмосферой. Это – самая живая часть творческой интеллигенции. Писательский союз был тухлым идеологическим местом, а когда я приехал на киностудию «Мосфильм», с удовольствием шлялся там в бесконечных коридорах, натыкался на друзей.

Аркадий Кордон: И я, тогда еще молодой режиссер, приходил на студию и попадал в богемную среду. Можно было просто лечь на диван, болтать, курить. Мы полулежали как древние греки. Замечательное время! Многие зарабатывали в кино, не только писатели. Я вот работал с Альфредом Шнитке, выдающимся композитором, у меня был фильм «Приключения Травки», Альфред тогда мог зарабатывать только тем, что писал музыку в кино. Потому что его не исполняли.

В.А.: Ходила шутка: кино тоже искусство – оно кормит.

А.К.: Оно не только кормило, но и рождало ощущение, что ты не один, что во круг друзья.

В.А.: Это было братство.

А.К.: Да, братство. Все друг друга старались выручить. «Ну давай, напиши, старик, заявку, мы тебе денег дадим».

В.А.: Да много таких случаев было. Дадут аванс, напишешь сценарий, говорят, нужны поправки, потом еще и еще. «Мы твой сценарий выбрасываем из плана, старик. Ты же понимаешь обстановку?». «Да, понимаю».

А.К.: А вам никогда не присылали писем, Василий Павлович, такого, например, содержания: «Уважаемый такой-то, с сожалением сообщаем, что вас постигла творческая неудача. Сценарий закрываем, но аванс остается за вами».

О.С.: Возникает желание пересмотреть свои старые фильмы?

В.А.: Нет. К сожалению, художественных достижений в кино у меня не было.

А.К.: Предстоит сделать это сейчас.

В.А.: Может быть. Помню, Андрей Тарковский, когда сбежал, приехал в Вашингтон и остановился у нас. Вдруг он мне говорит: «Ты знаешь, я жутко хочу снять «Остров Крым». Я подпрыгнул до потолка. Андрей будет снимать «Остров Крым»? Но потом он сказал: «К сожалению, у меня сейчас настроение что-то очень тихое. А вот когда оно пройдет, тогда я возьмусь». Но до этого не дожил.

О.С.: Расскажите о новом проекте...

А.К.: Министерство культуры России с интересом отнеслось к нашему предложению. Уже подписаны договора. Нам предстоит написать сценарий и перевести на правильный английский язык. Я имею в виду голливудский язык, на котором там привыкли читать сценарии. Будет международная складчина.

О.С.: Василий Павлович, с трудом представляю, как можно вашу книгу перенести на экран – по причине ее эпихальности. В ней высокая плотность материи, она набита деталями.

В.А.: Придется многим пожертвовать, но найти кинематографический эквивалент.

О.С.: Что выбрасываете за борт?

В.А.: Еще рано говорить. Роман пишется по законам прозы, а кино надо снимать по законам кино. Это естественно. Но где-то должно присутствовать и метафизическое ощущение, которое дает роман.

А.К.: Должна звенеть главная струна романа.

В.А.: Струну еще надо найти. В кино ее будет искать Аркадий до самого конца съемок. Это будет киноимпровизация на темы романа. Мы на большом расстоянии друг от друга пишем сценарий.

А.К.: Вообще-то я работал и раньше с большими писателями – и с Казаковым, и с Нагибиным. Вы помните мою картину о Юрии Казакове?

В.А.: «Послушай, не идет ли дождь...» – выдающаяся картина Аркадия, по которой я узнал его как режиссера. Я просто обалдел от того, как Петренко создал почти ошарашивающий образ Юрия Казакова, вплоть до портретного сходства. Что-то невероятное... Будто Казаков ожил... Сложность работы над сценарием для меня в том, что в течение 80-х я был совершенно оторван от художественной жизни.

А.К.: Вы нас всех взбаламутили и покинули страну. А нам пришлось жить в брежневские времена и пытаться что-то сделать... Василий Павлович – необыкновенный кинематографический писатель. Главное – найти образ для этой литературы на экране. Если начинаешь дословно следовать роману, ничем хорошим это не закончится. Роман дает эмоциональный, интуитивный толчок, а потом вступает в силу рациональное осмысление.

О.С.: Роман «Новый сладостный стиль» сложен, полифоничен. Это постмодернистская вещь. Сделать качественный постмодернистский фильм редко удается.

В.А.: К полифонии и постмодернизму я бы хотел добавить третью важную характеристику – карнавал.

А.К.: И поэзию как часть карнавала.

В.А.: Да-да, шутовство, маски, поэзия, срывание масок и их надевание, чететка, рок-н-ролл.

О.С.: «Весь этот джаз»? Феллини? Вихрь воспоминаний творца? Интересно, вам это близко по ощущениям?

В.А.: Феллини очень близок.

А.К.: Мы должны найти себя в кинематографе. У Василия Павловича гениальный финал, когда все персонажи собираются вместе в Израиле. Это как у Феллини в фильме «Восемь с половиной» – парад персонажей. И плохие, и хорошие – все.

О.С.: Такой проект, судя по всему, требует значительных средств. Как складывается бюджет?

А.К.: Когда я обратился к Василию Павловичу с предложением экранизации и он меня благословил, мы стали думать: где деньги, Зин? (общий смех). Министр культуры Михаил Швыдкой очень хорошо отнесся к нашей просьбе. Мы уже получили первые деньги.

4.11.02
Аксенов Василий

В.А.: Это то, что в Голливуде называют seed money.

А.К.: Небольшая компания Global Film Management в Голливуде заинтересовалась проектом. Бюджет по американским меркам небольшой – 7-8 млн долларов. Израиль тоже проявил интерес. Наш герой – русский художник, но ничто еврейское ему не чуждо (смеется).

В.А.: Поскреби каждого русского и найдешь...

А.К.: Татарина.

В.А.: Я ведь татарин по месту рождения – Казань. А еще поскреби меня – я еврей по маме.

А.К.: В общем, возможны и другие источники финансирования. Надежда есть.

О.С.: Не получится ли, что инвесторы из России, Израиля и Америки будут тянуть каждый в свою сторону?

В.А.: Этот проект подпирается романом. Роман не даст легкой возможности торваться от фундамента.

О.С.: Консенсус есть?

В.А.: Роман адресован разным группам зрителей. Это будет первый русский фильм, снятый с русскими актерами об эмиграции, о русском зарубежье.

А.К.: Нет, были уже фильмы об эмиграции. В романе есть нечто большее, чем описание эмигрантской жизни. Михаил Ромм как-то сказал нам, своим студентам: ты можешь снимать о колхозе, о заводе, но должен всегда снимать о жизни и смерти – это и есть искусство.

О.С.: О главном герое, Александре Корбахе. Василий Павлович, когда вы писали роман, вы себя на его место подставляли?

В.А.: Отчасти, в меньшей степени, чем других, подобных мне беженцев и изгнанников. В нем есть и Высоцкий, если бы он уехал, есть и Тарковский, и Любимов. Русский художник конца 70-х – начала 80-х годов, оказавшийся на фоне дикого стресса в чужой среде; как он выкарабкивается из всего этого и к чему приходит.

О.С.: Давнее московское воспоминание. Приятель потащил меня, еще зеленого журналиста, на заседание правления секции, кажется, международной публицистики, на котором «песочили» Аксенова. Обсуждались «Круглые сутки нон-стоп», ваша книжка об Америке.

В.А.: Да-да, помню. Я только что вернулся из Америки. Они были рады, что я вернулся.

О.С.: Меня потрясло обсуждение. Такая инквизиция! Я любил ваши книги, и меня поразил высокомерный тон, с каким американисты драконили книгу. Я тогда впервые почувствовал, как вас выгоняют, заставляют чувствовать себя лишним.

А.К.: Кстати, это ощущение замечательно передано в романе.

В.А.: Мои недоброжелатели все время попадали в абсурдное положение. Они выталикивали меня и других, а с другой стороны, панически боялись, что мы останемся на Западе.

О.С.: Шизофренический период жизни. Все в сюрреалистическом совмещении. Ваш карнавал тогда и закрутился...

В.А.: В романе есть ретроспекции в виде воспоминаний Саши Корбаха. И еще много в романе любви. Одна из глубинных тем романа – контраст между любовью земной и любовью небесной.

О.С.: Василий Павлович, вы всегда работаете на стыке классики и китча, обыгрываете иронически новую культуру. Обложка книги символична – портрет Данте и брошенная на спинку стула джинсовая куртка. Между прочим, вы поставили рекорд для книги Гиннеса. Речь идет о количестве мест, в которых вы приложили перо к бумаге. В конце книги перечисляются города и веси, где вы ее писали, почти 30 пунктов – от Стокгольма до Самары.

В.А.: В том числе и волжский пароход «Иван Кулибин».

О.С.: Означает ли это, что вы писали урывками?

В.А.: Да, урывками. У меня же университет, преподавание висело на мне все время. Я писал на каникулах, во время переездов.

О.С.: Если говорить об американской линии, вы зацепили реальную историю?

В.А.: Американский родственник Саши Корбаха – полуфантастическая фигура; современный благотворительный Гаргантюа. В нашем странном мире то и дело возникают какие-то неожиданные благотворительные поступки. У этого типа есть прототипы. С какой стати, например, Сорос занялся благотворительностью в России?

О.С. (с нажимом): Неужели не знаете? Он же работает по указке ЦРУ.

В.А.: По-моему, ЦРУ работает по его указке (смеется). Или – Борис Абрамович Березовский, фигура раблезианского, байронического порядка.

О.С.: Каковы сроки производства фильма?

А.К.: Даст Бог, выйдет через пару лет.

В.А.: Дай-то Бог! *ск. Ковбаси*

2002-4 Олег СУЛЬКИН, Нью-Йорк
1008-С.4-5.